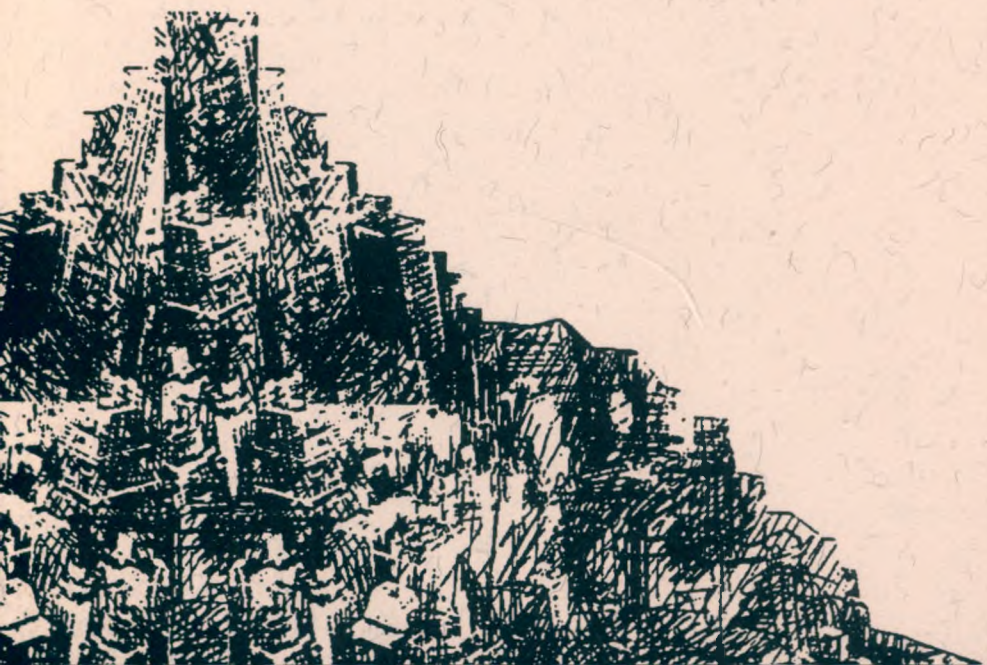

Давид Шраер-Петров

**ПРОПАЩАЯ
ДУША**

Давид Шраер-Петров

**ПРОПАЩАЯ
ДУША**

стихотворения и поэмы, 1987-1996

**Р К
А А
PUBLISHERS**

**1997
Providence, Rhode Island, USA**

Давид Шраер-Петров. Пропадающая душа. Стихотворения и поэмы, 1987-1996.
David Shraer-Petrov. Propashchaia dusha. Stikhotvoreniia i poëmy, 1987-1996.
David Shraye-Petrov. Lost Soul. Poems, 1987-1996.

Copyright © 1997 by David Shraye-Petrov
All rights reserved
Manufactured in the United States of America

Cover and Illustration Design: Vitaly Rakhman
Editor: Maxim D. Shraye

For ordering information or to request a copy of our catalogue, please contact us at:

APKA Publishers
110 Overhill Road
Providence, Rhode Island 02906 USA
voice: (401) 331-8783

First Printing

Grateful acknowledgment is made to the editors of the following publications, in which some of the poems in this book originally appeared: *Al'manakh kluba poetov*, *Al'manakh kluba russkikh pisatelei*, *Chernovik*, *Novoye russkoye slovo*, *Novyi zhurnal*, *Poberezh'e*, *Vestnik*, *Vstrechi*.

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data:

Shraer-Petrov, David.

[Propashchaia dusha: stikhotvoreniia i poëmy, 1987-1996 /
David Shraer-Petrov].
p. cm.

Includes bibliographical references.

ISBN: 1-888244-00-3

I. Title. II. Title: Lost soul

PG 3487.R35P76 1997

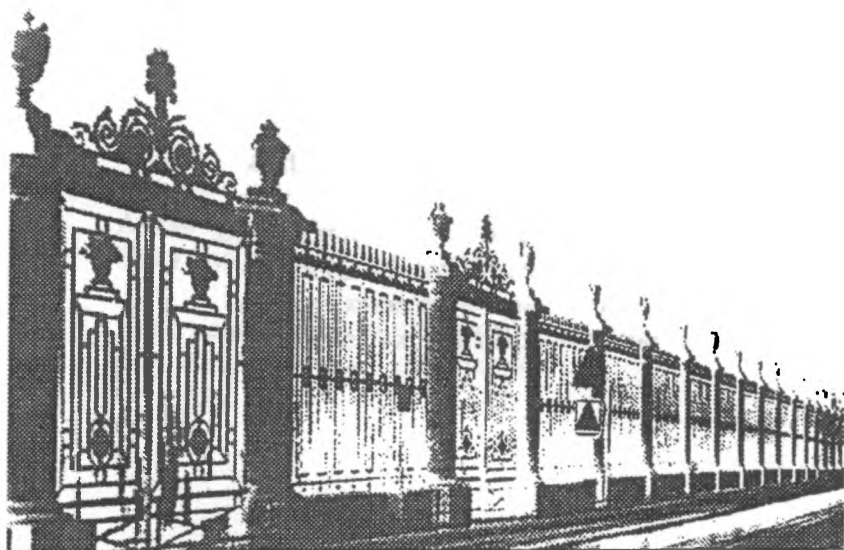
97-7437

CIP

The paper in this book meets the guidelines for permanence and durability of the Committee on Production Guidelines for Book Longevity of the Council on Library Resources.

ПРОПАЩАЯ ДУША

Вилла Боргезе

ВИЛЛА БОРГЕЗЕ

Случались собаки на Вилле Боргезе,
Случались в том смысле, что обитали,
Случались, собачью трубя бордельезу,
Случались, хвостами трубя. О детали!

Конкретная музыка тел шелестящих,
Балетная — пляска собачьего тела,
Конкретная — плачь о России болящей,
Балетная — плачь. Унеслась улетела.

Собакою с римскими псами на Вилле,
Скользучею рыбой из Тибра — по травам.
Забуть, как доили, давили, травили?
Забуть окаянную ласку Державы?

На Вилле Боргезе в ночи итальянской,
На самой роскошной окраине Рима
Бездомной собакою выть по российским,
Навеки потерянным, неповторимым.

В траве, перепутанной с волосами,
Очнуться прижатым хвостами к ограде,
Очнуться под римскими небесами,
Твердя полоумно: ах, Наденька, Надя,

Ах, Вера-Верунчик, ах, Любушка-Люба,
Валяша, Марина, Катюша и Зина.
Здесь тянут ко мне пуританские губы
Трезвейшие новоанглийские зимы.

Когда умирать мне придётся, чуть живы,
Прошепчут мои полумёртвые губы:
Мы стали чужими, Россия, чужими,
А были своими сыны Иегуды.

Как это забавно валяться в обнимку
С последней бутылкой, с последним приветом
На Вилле Боргезе, как старому снимку,
На свалке истории вместе с конвертом.

На Вилле Боргезе якшаться с трубящей
Компанией псов, абсолютно античных.
О, Боже! Ну что же Тебе до болящей
Души и до мраморных анемичных

Созданий, наставленных между стволами,
Как в Летнем Саду, где когда-то ночами
Гуляли по стёжкам-дорожкам, стояли
Ночами под бледными небесами.

Какие архангелы в трубы трубили,
Какие опричники-псы нас губили,
Какие иуды в любви нас топили,
А мы всё равно эту землю любили.

Она отвергала, нас отторгала,
Она изводила, греховно зачатых,
А нам нехватало, нам всё было мало,
Пока нас не сжили со света, проклятых,

Пока не добрёл я до варварской Виллы,
Где псы и античные девы толпою

По стёжкам-дорожкам гуляют, как милый,
Помнишь, гуляли дома с тобою.

июнь 1987-октябрь 1990

Рим-Провиденс

БОЛЬНИЧНЫЙ САД

Цикада — питата больничного сада,
В чужой стороне ты упала ко мне
Из гущи листов, сохранивших досаду
На дождь, обманувшийся в этой весне.

Такая упрямица с черепом плоским,
Наследница генов сверчка и жука,
Ты мне напороочила кучу чертовских
Удач и провалов, как Чисел строка.

В российские годы, когда я, случалось,
Хвалам и проклятьям неверным внимал,
Трескучего чёртика голос был малость,
Той правды чистейшей тревожный сигнал.

А нынче — зачем мне такая отрада?
В больничном саду, где прибилась толпа,
Бутылок и банок заброшенных стадо,
Скрежечет цикада, тупа и слепа.

июнь 1988

СТИХИ ИЗ РОМАНА «ИОНА-СТРАННИК»

Индийские лица, как хищные птицы.
Еврейские лица, как гончие псы.
А русские лица — куда мне укрыться?
О, как мне забыться, напиться, забиться
В какие овсы?

март 1990

СТИХИ ПО КНИГЕ ТИХОНОВА «ОРДА И БРАГА»

ЛЕНИНГРАД ранние 60-е

Бродский бродит брагой,
За ним орда.

НЬЮ-ЙОРК наши дни

Бродский бросил бремя братства
Навсегда.

октябрь 1990

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

*Больную мысль страшил растущий их итог...
Так медлит счёт свести неопытный игрок...*

С. Надсон

Ночь за окнами движется тысячей шестерёнок,
Свиристит, шебуршит, шелестит и жужжит.

Вот закрою глаза: куры спят на шестке и телёнок
В бок коровы уткнулся, самолётик по небу бежит.

Вот открою глаза: виноградник, как бес бородатый,
Лезет в наше окно компаньоном в любовных делах.
Выпьем на брудершафт! Нет, пожалуй, в другой раз.
Куда ты?

Вот закрою глаза: небеса в бородатых клочках.

Эта летняя ночь, дочь ночей, переслушанных мною,
Перемученных, перезабытых любовных ночей.
Где я сплю: в настоящем или плыву над собою?
Твой тогдашний, сегодняшний, ночи твоей иль ничьей?

Этот летний под небом синематограф гигантский,
Этот жёсткий просмотр предсмертного монтажа,
Этот bloody-кровавый soap-оперный американский
Фильм фантасмагорический, поединок пера и ножа.

Ты не жалуйся, милая, если сомнамбулою летаю
В кадрах дивных ночей, в кадрах диких российских ночей.
Ленту жизней и снов переклеиваю и латаю...
Вот закрою глаза: Волга-речка течёт или стынет
болотный ручей?

Вот открою глаза: куролесит ночная нью-ингланская
стихия.

Всё смотрю и смотрю скрытой камерой памяти
отснятое синема.

Закрываю глаза, открываю: Россия, Россия, Россия,
Ад смердящий, отчизна, небесная голубизна.

октябрь-ноябрь 1990

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР НА БРАЙТОН БИЧЕ

*Не затем у врага
Кровь лилась по дешёвке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговли.*

В. Хлебников

Мне говорил одесский вор, тамбовский волк, отпетый
бруклинец,
Мне говорил, поскольку мы когда-то с ним пересеклись,
былая жизнь,
Меня учил одесский вор, тамбовский волк, крутя
на клифте пуговицу,
Меня учил, поскольку верил в мой талант: Поднапрягись!

Ну что ты хуже, толковал, ты посмотри, как этот фраер
врал про мафию.
Да я тебе таких историй расскажу, таких громил изображу,
Такого крёстного папаши веры нашей дам такую
биографию,
Да мы на них, ты что притих? Да мы такого понагоним
мандражу!

Я отобрал мой бедный клифт и напрямик ответил
бруклинцу,
Который был одесский вор, тамбовский волк и дьявол
знался с кем:

**Прости, приятель, навсегда прощай, поскольку
праведность и путаницу**

**Своей судьбы, как воду, хлеб и соль своей строки,
я пью и ем.**

октябрь-декабрь 1990

МОЛИТВА

*В ванне плещется женщина,
Бьёт жемчужную пену.
Знаю, Мила божественна,
Вижу это сквозь стену.*
И. Шкляревский

Пропутебянеотвращивайсяотженщины
 Я тожебывалнадне
 Неразделённойлюбви
 Женщинаопускаласькомне
 КакАфродитабожественна
 Иговориламне
 Словалюби
 Пропутебянеобижайсянаженщину
 Тыженеобижаешьсяянаграднагромнасолнечныйсвет
 Потом
 Обманувоттремевотлюбивкогоейположеноизавещано
 Онапостроитсвойдом
 Пропутебянеразочаровывайсявженщине
 Онадругаяведьмаибожество

Без неё остановится виноградоловвиброжение
И навсегда закроет природа своё естество

осень 1990

ТРЕТЬЯ ВОЛНА

Максиму

Мы с тобой из третьей волны,
Листобой истлевшей вины.
Мы с тобой из третьей войны.
Ты прибой извечной весны.

осень 1990

ПОСЛЕДНЯЯ МУЗЫКА

Вы не забудьте, пожалуйста, если я навсегда...
Вы не забудьте музыку заказать:
Джаз, чтобы хозяева не обижались на вас,
Сковородки чугунные и контрабас.

Вы позовите скрипочку, пусть позудит,
Старых евреев потешит и насмешит
В то время, как я буду в розовых сферах витать
И чего-то другого, чего-то заветного ждать.

Ах, как же вы недогадливы, молоды что ль?
Смылась со шкур ваших деревенская соль

Или другая соль, время иных музык?
Словом, я к этой музыке с самого детства приник.

Ах, заведите мне что-нибудь про утёс,
Ах, про рябину и дуба, которые любят друг друга до слёз,
Ах, заведите старинную про Байкал,
Я там когда-то пьянствовал и тосковал.

Чёрные сковородки с камином пускай гремят и дудят,
Скрипочка-закорючечка пусть пиликает-веселит.
Буду витать и радоваться, как целую жизнь назад,
Тому что утёс стоит, рябина горит и море-Байкал шумит.

осень 1990

ПОЭТ И НАРОД

Нужны ли поэты народу?
Не более чем уроды:
Они отвлекают народ
От повседневных забот.

осень 1976-осень 1990

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЕ

*И знал лишь бог седобородый,
что это животные разной породы.*

В. Маяковский

Конечно же, обезьяны произошли от белок.
Просто белки оказались пластичней.
Они двинулись в северные широты,
Как и другие северные народы.

Конечно, белки вышли из обезьян
И дальше, дальше пошли на север.
Обезьяны же, как практичные южные народы,
Заселили южные широты.

И только когда обезьяны с белками
Совершенно случайно встречаются
На верхушке пальмы или сосны,
Где-нибудь на границе мира или войны,

Они оскаливаются зубами,
Они обмериваются хвостами,
Они обмениваются прыжками
И братскими рукопожатиями.

октябрь 1990

ОСЕНЬ В НОВОЙ АНГЛИИ

Миле

Осень сжигает листья,
Осень сжимает листву.
Знаешь, любимая ты,
Как я желаю Москву,
Как я жалею в горсти
Листик такой же, как те
На Маяковской. Прости,
Что я в своей простоте,
Что я в своей маяте,
Колос горящей листвы,
Голос горящей Москвы,
Лист отрывной без листвы,
Пень-погорелец среди...
Милая, что впереди?

4 ноября 1990

СЛОВАРЬ ДАЛЯ

Г. Сангиру

Бродить, блукать, плутать, блуждать,
Брести высокою травою,
Брести глубокою водою,
Брожение слова пробуждать.

ноябрь 1990

МОЙ ГОРОД

*Это имя — как гром и как град:
Петербург, Петроград, Ленинград!*

Н. Асеев

*Рыбий жир ленинградских ночных фонарей.
О. Мандельштам*

Я родился в Ленинграде, в Петрограде, в Петербурге,
Там, где скачет Медный Всадник над Невой в сизой бурке.
В сизой бурке из тумана,
Петербургского дурмана,
Петроградского обмана.

Там, где цокола брусчатка под копытами казацких,
Черносотенно-кабацких,
Пролетевших-пролетарских
Башмаков американских.

Я родился в Петербурге, Петрограде, Ленинграде,
Там, где шли в сорок четвёртом орды пленные в наряде,
Русской пылью пропылённом,
Русским солнцем опалённом,
В моём городе сожжённом.

Но снаряды и фугаски, кагебанды и подбаски
Не сожгут, не похоронят материнской первой ласки,
Не затопчут этот город -
Имя рек и листьев ворох.
Холодок бежит за ворот,
Катерок проносит шорох.

Милый город, ты мне дорог,
Погребок с шампанским... порох...

ноябрь 1990

СПРАВЕДЛИВОСТИ РАДИ

Б. Смородину

То же самое, помнишь, и в наших краях:
Безотцовщина, бедность, бесправие, блеф.
Что же нам лицемерить и быть на паях
С теми, кто чёрный люд загонял в грязный хлев!

ноябрь 1990

ПОДВИГ

Памяти В. Набокова

Вернуться в Помпею, на Капри, вернуться отсюда
В такие места запредельные, в щёлочку их пролетел.
Вернуться. В траттории быть половым или драить посуду,
И с берега камушки в синее. Ты не у дел.

Ты больше не лорд захудалой предместной усадьбы,
В которой от дивных соседских собак затерялся забор.
Ты больше не горд, ты случайность, ты свары и свадьбы,
Собачей пирушки звонарь, органист и собор.

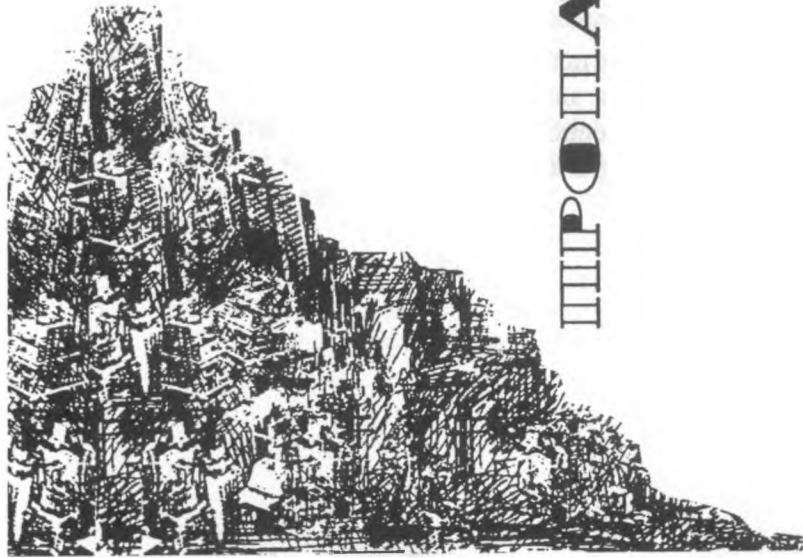
В такие места запредельные: Капри, Помпея
или Бухта Барахта
Бежать и утапливать камушки-рифмы солёной тоски.
Из самой цветущей, куда занесло тебя дьявольским
фрахтом,
Затеянным в городе-бухте родном — до могильной доски.

8 декабря 1990

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Я смотрю на тебя из окошка замшелой избы,
До которой тебе всё равно что полжизни ходьбы.
Ты пришёл, ты скрипучую дверь отворил, а меня нет
как нет.
Только режет глаза в дверь пропущенный свет.
И тебе новый свет приготовлен, ты будешь
в окошко глядеть
И о том, кто за нами грядёт, обмирая радеть.

1-8 декабря 1990

ПРОЩАЮЩАЯ ДУША

ТВОИ ГОЛУБЫЕ СЛЁЗЫ

Твои голубые слёзы
На золотом песке,
Мои золотые блюзы
На голубом виске.

Твои золотые слёзы
На золотом песке,
Мои голубые блюзы
От смерти на волоске.

Твои голубые блюзы
На золотом песке,
Моя золотая проза
На стиховом виске.

1991

УСТАЛОСТЬ

Я устал, я сошёл с дистанции.
Я на дне.
И терновый венок достанется
Пусть не мне.

1991

ВОЗЛЕ ВОКЗАЛА

В пыльном скверике возле вокзала,
Где букеты идут по рублю,
Ты нечаянно мне сказала:
Понимаешь, тебя не люблю.

1991

ПРОЩАЛЬНАЯ ПОЭМА

По ночам на деревьях бродили коты.
Между яблок струились нагие хвосты,
И таился в саду Искуситель.

Мы прощались с эстонским курортом навек.
Луч надежды, как нищая свечка, померк.
И не спас своих братьев Спаситель.

Прикасались губами к балтийской волне,
И готовые к новым скитаньям вполне,
Затевали извечные споры:

Кто магнитнее — Запад или Восток?
Чей сильнее клокочет в евреях исток?
Из какого мы космоса споры?

1991

ВОСПОМИНАНИЕ

Белка прощально
Машет хвостом.
Ива печально
Склонилась, уродина.

Всё это родина,
Кинутый дом.
Плач мой прими,
Одичалая родина.

1991

ОТЧУЖДЁННОСТЬ

Литовцы меня обнимали
И плакали горькой слезой,
За то, что в евреев стреляли
И шли добровольно в конвой.

Грузины меня целовали
И дружбу клялись уберечь,
За то, что я пил «Цинандали»,
Вкушая грузинскую речь.

А сумрачные евреи,
Не плача и не клянясь,
Без жалости и елея
Открыли вселенскую связь.

А русские косогоры,
Дымясь на ладонях земли,
Молчали, как будто поморы,
Которые в город пришли.

1991

ДОМИК ЧЕХОВА В ГУРЗУФЕ

Здесь Чехов писал «Трёх сестёр».
А нынче пылает костёр
Осенних шаров золотых.
И море кидается в стих.

И речка, подобна ужу,
Сползает пятнистая с гор.
И я до сих пор ухожу,
Уйти не могу до сих пор.

1991

ПРОПАЩАЯ ДУША *пять стихотворений*

1. В ЧЁРНОЙ ШАЛИ ПО ВЛАДИМИРСКОМУ

В чёрной шали по Владимирскому
Да не тракту, а проспекту,
Ты спешила к проходимцу
На свидание в тюрьму.

Я тебя окликнул, здравствуй!
Здравствуй, милая, куда ты?
Что несёшь в холщёвой сумке?
Я несу еду ему.

Ты шагала в чёрной шали,
Я в шинели офицерской.
Никого не замечали.
Только сердце, ох-ты, сердце,

Сердце с сердцем говорило,
Мы сердцами заскучали,
Порознь так давно стучали.
А я думал, позабыло

Твоё сердце дворик, сенцы,
Кухню, фикусы в кадучках,
И серёжки на подушках,
И подушки на полу...

Ну, прощай, одна пойду.
Ну, прощай, пойду одна.
За мостом Кресты-тюрьма
Я пойду сама до дна.

1961-1991

2. МЫ ТАНЦЕВАЛИ ТАНГО В КЛУБЕ

Мы танцевали танго в клубе,
Меж полупьяных пар гребя.

И две гранатинки, как клюквы,
В ушах горели у тебя.

Мы танцевали танго молча,
Плывя меж обалдевших пар,
И две кровиночки на мочках
Кричали всем про наш пожар.

Мы танцевали в клубе танго,
Прижавшись, как среди кустов,
И оркестранты с полустанка
Куплеты пели про Ростов.

Мы танцевали, танцевали
В провинциальном городке,
И никого не замечали,
Глаза в глаза, рука в руке.

А контрабас пингвиным клювом
В тебя уставился, хрипя,
Гранатинки-кровинки-клюквы,
Сорвать-измызгать торопя.

Мы танцевали в дымном зале,
Пропахшем похотью навек,
Когда нас в карты проиграли
От звёздочек до синих век.

1961-1991

3. НАД БОРИСОВЫМ НОЧЬ, НАД РОССИЕЙ ЗИМА

Над Борисовым ночь,
Над Россией зима.
Ваша дочь, ваша дочь
Приходила сама,

Наливала вино,
Расстилала постель.
Всё равно, всё равно
Над Россией метель.

А на утро она
Подымала меня,
Скатерть из-под вина
Даже не заменя

На газетный лоскут,
И мешала вино.
И теперь там и тут
На мольберте оно.

На мольберте ночном,
На мольбе, на крови.
Этот дом, этот дом
Для тоски и любви.

Над Борисовым тьма,
Над Россией метель.
Приходила сама,
Расстилала постель.

1961-1991

4. КТО ТАМ БРОДИТ ВОКРУГ КВАРТАЛА?

Кто там бродит вокруг квартала,
Кто следит за моим окном?
Никого ты не замечала?
Спишь, усталая, пьяным сном.

Может, бродит в хлеву корова
И мычанием будит нас.
Кто там смотрит в окно сурово
В подвенечный заплечный час?

Ты уснула, а мне тревожно.
Ты уснула, а мне прилечь?
И чулок твой неосторожно
Брошен на лейтенантский френч.

Кто там бродит вокруг квартала?
Кто следит за моим окном?
Ты заснула, ты отстонала,
Залила поцелуй вином.

1961-1991

5. БАНДЕРОЛЬ СО СТИХАМИ

Я актёр, получивший неожиданно-негаданно роль,
От желанья которой меня столько лет колотило.
Видно, жажда давнишняя пересушила чернила.
Для чего, для чего мне прислал офицер бандероль?

1961-1991

АРМЕНИИ

Армения, дочь Иудеи,
Наследница горькой судьбы,
Склоняюсь пред долей твоею,
Где горы стоят, как гробы.

1991

В МЕТРО

Горбун пляшет под гармошку
На станции метро.
Горбун плачет нараспашку,
Леденит моё нутро.

Нищий вяжется в подземке,
Говорит про ЭЙДС.
Отвожу устало зенки:
Отвяжись-ка, эй!

1991

ГАРМОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Колючки не кололись,
Был воздух густ, как ром.
Июль был, как колодезь
С новёхоньким ведром.

Я был в июль опущен
И вытянут тобой.
Так тянет нас с опушек
В тенистый листопой.

Июль был гармоничен
От клеверных стогов
И спелых земляничин
До брошенных стихов.

Лишь маленький Спиноза
С улиткой в кулаке
Глядел и видел слёзы
В кувшинковой реке.

1973-1991

НЬЮ-ЙОРК

В. Рахману

Нью-Йорк,
Игорный горький дом.
Притом
Ты йог.
Ты обнажён,
Как слон
От хобота до пят.
Ты ню.
Ты нужен
Мне, Нью-Йорк,
Опять.

Ты для меня пейзаж,
Натурщица,
Мольберт.
Брожу,
Как по Москве.

Нью-Йорк,
Ты для меня Москва,
Ты карнавал,
Ты сеновал,
Ты танцплощадка.
Ты беспощаден
К памяти моей.
Налей, Нью-Йорк, налей
Вина своих огней.

А вот и жизнь прошла.
Она великолепна и пошла.
Храпят материки
Спина к спине,
Стена к стене.
Открывшиеся мне
Греховные невинные тела:
Нью-Йорк — Москва.

1992

СОРОК ЧЕТВЁРТАЯ УЛИЦА

*По Вильямсбургу бродят чёрные шляпы и
сюртуки хасидов.*

Ю. Кашкаров

По Сорок Четвёртой гуляют хасиды,
Гуляют хасиды по Пятидесятой.
Себя уговариваю: спроси ты
А если не спросишь, замучит досада.

Спроси, ну хотя бы вот этого дядю,
Который до боли похож на пропавших,
Как в воду упавших, сгоревших, не ставших
Скупым фотоснимком в альбомном параде.

Ты видишь, хасид этот остановился,
Прищурился, дёргает бородёнку,
К витрине, как к зеркалу, прислонился,
Как будто тебя отзывает в сторонку.

Как циркуль над белым листом или в цирке
Кружит по арене Рыжий печальный,
И перебирает памяти бирки
И перемеряет маршрут изначальный.

Ну что тебе стоит, он ждёт, чтоб спросили,
Как чудом бежал он из-под Шауляя,
Когда полицаи салюты палили,
Глуша кальвадос и в евреев стреляя.

1992

КОРОБКА ИЗ-ПОД ПАПИРОС

Пусти меня в свой папиросный дом,
Дом из папируса. Мы вместе заживём.
Дом без окон, дверей, кровати, печки.
Мы будем жить, как древние философы,
Пускать и пересчитывать голубоватые колечки,
Ты будешь возвышать меня наивными вопросами,
А я перебирать твои свалявшиеся волосы.

1992

ИГРЫ ПЕРЕД ТЕАТРОМ НА БРОДВЕЕ

Я раскусил это ЯБЛОКО и
Брызнул хмельной, как молоко, сидр.
И отозвались из букета левкои
Любителю весенних химерических игр.

1992

СТАРОМУ ЭМИГРАНТУ

Ну что ты хмуришься, Ефим,
Как будто дворник Серафим
В Саратовской глуши?

Ты посмотри вокруг: Бродвей,
Ты от весны повеселей,
Свободы хмель глуши.

Ну что ты хмуришься, Ефим,
Забыл угрюмость русских зим?
Судьбы лихой лото?

Ну что ты хмуришься, Ефим,
Ты вспомни кагебешный ЗИМ.
Не забывай про то!

Ты вспомни родину, Ефим,
Ворота, дворник Серафим
В залатанном пальто.

Сотри, Ефим, печали грим.
Летает чёрный серафим
В малиновом авто.

1992

УХО ЗЕМЛИ

О, не болтай чепуху, не взывай к небесам,
Хочешь, отдай чудаку сладкие телеса.
Душу не сможешь отдать,
Душа твоя вечно со мной,
С каждым всхлипом пера,
С каждой строкой.

О, не болтай чепуху,
Глупости не мели.
Я покажу тебе ухо,
Ухо зелёной земли.

Я покажу тебе ухо,
Деревянное ухо земли.

Майских цветов метели
Наши пути замели
Милая, милая , милая,
Мы — на мели.

Милая, милая, милая,
Взгляд не смоли.
Я покажу тебе ухо,
Зелёное ухо земли.

1992

КОГДА МНЕ ПЕЛИ СОЛОВЬИ

Когда мне пели соловьи
На станции Разлив, когда
Я гладил волосы твои,
И пролетали поезда,
Когда нам пели соловьи,
И грохотали поезда,
Я и не думал о любви
Тогда.

1992

ВЕСНА В НОВОЙ АНГЛИИ

Улица жёлто-зелёная
От кленовых цветов.
Я люблю тебя, Новая Англия,
Я здесь умереть готов.

Девочка в жёлтых шортах,
Приветлива и толста.
Я в ответ улыбаюсь,
Мне нравятся эти места.

К тому же, она прогуливает
Рыжего толстого пса.
Я люблю тебя, Новая Англия,
Я верю в твои чудеса.

Рыжий пёс осенью
Стопчет кленовый лист.
Я поэт российский, поймите,
Не гуляка я и не хлыст.

Чувства мои простые,
Как этот кленовый цвет,
Который толстая девочка
Топчет во цвете лет.

Улица жёлто-зелёная
От кленовых цветов.
Я люблю тебя, Новая Англия,
И здесь умереть готов.

Мне нравится толстая девочка
Относительно юных лет.
Но зачем она с рыжим приятелем
Топчет кленовый цвет!

1992

КОМПОЗИЦИЯ НА ОЛД СИЛВЕР БИЧЕ

Человек на песке окружён женой.
Окружён женой человек на песке.
Человек и жена, тоска на тоске.
Человек на песке. Океан на треске.

Он серебряный локон на белый сустав
Завихряет. Океан завихряет волну.
Человек, от российского плена устав,
Окружает лаской жену.

Океан ласкает треску и жмёт,
Выжимает треску в Голфстрим.
Человек серебряный локон прядёт.
Океан задаёт океанский ритм.

1992

ГОРЛОВИНА РЕКИ

Ну-ка пойдём в горловину реки,
Туда, где по-русски кричат кулики,
Туда, где плывут стволов мертвяки,
В море плывут, вопреки

Трезвости, здравому смыслу, всему,
Что обнаружат в Крыму,
В бухте, в которой горит аметист,
В бухте, в которой тела поэтесс и актрис
Дрожат, как осиновый лист.

Бриз наводит задумчивость на
Гладь аметистовых вод.
Волны не знают бежать, куда —
Назад или вперёд.

Что же ты, милая, просишь меня
Нашу судьбу понять?
Кличет кулик среди бела дня.
Мы всё испили до дна, до дна.
Куда он зовёт опять?

1992

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Северный ветер гонит рыбу в канал,
Чёрную рыбу с губами Дмитрия Бобышева.
Северный ветер. Дружбам и клятвам — хана !
Чёрная рыба братства не приплывёт к нам больше.

1992

ИГРА В КАНАСТУ ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ КАНАЛОВ

Хозяева этой приокеанской дачи играют в канасту,
Гоняют на велосипедах, полтысячных, вдоль канала.

Гоняют на велосипедах, томление мышц разгоняют.
Хозяева этой приокеанской дачи себя разогревают.

Они пригласили на *викенд* меня и подругу,
Они отослали на *викенд* детей и прислугу

В надежде на трёп о России во время канасты.
А мы ни бум-бум, мы виски глотаем — каналы,

Мы виски глотаем со льдом, ледоход на Неве вспоминаем,
Мы виски глотаем со льдом, мы тайные слёзы глотаем.

1992

ШЕСТЬ АМЕРИКАНСКИХ БЛЮЗОВ НА РУССКИЕ ТЕМЫ

1. БЛЮЗ ЯНВАРСКОГО СНЕГОПАДА

Чёрный камень на бульваре,
на бульваре,
на бульваре,
на бульваре.

Белый снег.

Чёрный камень, белый снег,

Чёрный камень, белый снег,
Чёрный камень, белый снег.
Что ж прекрасно, дорогая, наши звёзды догорают,
Убивают наши звёзды
Белый смех.
Чёрный камень,
Белый снег.
Что ж прекрасно, дорогая,
Разбивает, разбивает, разбивает, разбивает
Чёрный камень — белый смех.
Чёрный камень, белый снег, белый снег, белый снег.
Белый снег на всём бульваре,
Вдоль кладбищенской ограды.
Белый — грамотой охранной,
Чёрный — белкой-похоронкой.
Чёрный камень,
Белый снег.
Мы сторонкой, мы сторонкой, мы сторонкой,
мы сторонкой
Обойдём прощальный грех.
Чёрный камень, чёрный камень, чёрный камень,
чёрный камень,
Белый смех, белый смех, белый смех,
белый смех, белый смех,
Чёрный камень, чёрный камень, чёрный камень,
чёрный камень,
Чья-то память, чья-то память, чья-то память,
чья-то память,
Белый смех, белый снег, белый смех,
белый смех, белый смех, белый снег.
За оградой пляшут камни, плачет каждый белый
камень,

Чёрный камень, белый камень, чёрный камень,
белый камень.
За кладбищенской оградой пляшут камни,
плачет снег.
Бедный смех, белый смех, бедный смех,
белый смех, бедный смех.
Что ж поделать, дорогая, белых лебедей
стреляют,
Чёрных лебедей стреляют,
На лету, на беду, на лету, на беду-виду у всех.
Чёрный лебедь, белый снег,
Белый лебедь, чёрный снег,
Белый лебедь, чёрный снег,
Чёрный камень, белый снег.

17 февраля 1992

2. БЛЮЗ ЧЁРНОЙ РЕКИ В ПРОВИДЕНСЕ

Чёрный рыбак, красный колпак.
Ловится рыбка в чёрной воде,
Мелкая — чёрной сковороде.
Скороводе, водостраде.
Камо гряде красный дурак.
Чёрный колпак, красный собор.
Мелкая рыбка в чёрной воде.
Чёрный оскал стен или скал.
Чёрный рыбак, красный червяк.
Красный закат, чёрный плакат.
Чёрный рыбак, красный колпак.
Чёрный колпак, красный закат.

Красный червяк в чёрной воде.
Чёрное лоно чёрной реки.
По берегам, по берегам,
По берегам кукареки,
Кукуреки, кукареки,
Какуреки, кукуреки,
Ловят угрюмые старики,
Вьются пурпурные червяки
В чёрном лоне чёрной реки.
Как у реки, как у реки,
Как у рыбалки, как у реки,
Как у реки, ах, рыбаки
Тянут-потянут да вопреки,
Мне вопреки, как у реки,
Тянут-потянут ах, далеки,
Ах, велики лики реки,
Волги реки мне вопреки.
Кукареки, кукареки.
Чёрный рыбак, красный колпак,
Чёрный собор, красный забор,
Чёрный закат, красный плакат,
Как у реки кукареки.
Что за река кирекука?

19 ноября 1992

3. ИДИОПАТИЧЕСКИЙ БЛЮЗ

Генерал Иволгин и князь Мышкин
Поднимаются по чёрной лестнице на.
Генерал Иволгин и князь Мышкин

Поднимаются по чёрной лестнице в.
Марфа Борисовна, Марфа Борисовна,
Марфа Борисовна, это князь.
Ваше превосходительство, ваше сиятельство,
Марфа Борисовна, грязь, грязь, грязь,
Чёрная лестница — мышки за кошками.
Иволгой стонет старый матрац.
Марфа-посадница, Марфа-развратница,
Генерал Иволгин, мразь, мразь, мразь.
Князюшка, князюшка, где твоё княжество?
Настасья Филипповна, где твой князёк?
Генерал Иволгин, виселица построена.
Генерал Иволгин, караулы утроены.
Настасьи-княгинюшки последний денёк.
Марфа Борисовна, кошки за мышками.
Настасья Филипповна, мышки за кошками.
Настасья Борисовна, кошки за мышками.
Марфа Филипповна, мышки за кошками.
Иволгой стонет старый матрац.
Лев Николаевич, достопочтеннейший,
Лев Николаевич, достоевгеннейший.
Фёдор Михайлович, плац, плац, плац.
Лев Николаевич, плач, плач, плач.
Генерал Иволгин и князь Мышкин
Поднимаются по чёрной лестнице к.
Марфа Борисовна, Анна Аркадьевна,
Анна Андреевна, Настасья Филипповна,
Анна Аркадьевна, Марфа Борисовна,
Анна Андреевна, Анна Андреевна,
Лев Николаевич, Лев Николаевич,
Анна Андреевна, Лев Николаевич...

23 ноября 1992

4. БЛЮЗ ЖЁЛТОЙ РЕКИ В НЬЮ-ОРЛЕАНЕ

По жёлтой реке
По жёлтой реке
Голубой фазан
Никогда фазаны
Голубые фазаны
Голубые глаза
Голубые глаза
По жёлтой реке
Голубой фазан
По жёлтой реке
Фараонова дочка
Фараонова дочка
В плетёной корзинке
Та-да-да-да-та-та
Та-да-да-да-та-та
Голубой фазан
Фараонова дочка
Голубого фазана
Голубые глаза
Голубые глаза
По жёлтой реке
По жёлтой реке
Фараонова дочка
Из жёлтой реки
Голубого фазана
По жёлтой реке
Голубой фазан
Голубой фазан
Голубой фазан
Фараоновой дочке

плавёт голубой фазан,
плавёт голубой фазан,
плавёт по жёлтой реке,
не плавают по реке,
не плавают по реке.
тонут в жёлтой реке,
тонут в жёлтой тоске.
плавёт маленький Моисей,
плавёт по жёлтой реке,
в корзинке плавёт Моисей.
корзинку в руки берёт,
маленького несёт.
маленький Моисей.
та-да-да-да-та-та-та-та-та-та,
та-да-да-да-та-та-та-та-та-та.
в плетёной корзинке плавёт.
во дворец фазана берёт,
во дворец фараона несёт.
глядят из жёлтой реки,
глядят из жёлтой тоски.
плавёт голубой фазан,
в корзинке плавёт Моисей,
голубого фазана берёт,
голубого к лону несёт,
к царскому трону несёт.
пустая корзинка плавёт.
к лону пустому плавёт,
клюв еврейский несёт,
к лону царевны несёт,
глаза и сердце клюёт.

По жёлтой реке
По жёлтой реке
По жёлтой реке
По жёлтой тоске
Та-да-да-да-та-та
Та-да-да-да-та-та
Голубой фазан
По жёлтой реке

жёлтый народ плывёт,
мёртвый народ плывёт,
плывёт голубой фазан,
плывут голубые глаза.
та-да-да-да-та-та-та-та-та-та,
та-да-да-да-та-та-та-та-та-та.
плывёт по жёлтой реке,
плывёт голубой фазан.

29 ноября 1992

5. БЛЮЗ ЕВРЕЙСКОГО ОРГАНИСТА В ГАРЛЕМСКОЙ ЦЕРКВИ

Еврейский органист играет в чёрной церкви,
Еврейский органист играет в чёрной церкви.
Еврейский гармонист играл когда-то в цирке,
Еврейский гармонист в гастрольном шапито.
Он жмёт на клавиши и напевает шепотком:
О, никогда не повторится
Та белобрысая девица,
Циркачка, неженка, блудница,
С которой я во снах кружу,
Которой я принадлежу.
Как никогда не повторится,
Та златоглавая столица,
Дней оттремевших колесница,
В которых я во снах кружу,
Которым я принадлежу.
Еврейский органист, Аве Мария, Фруктус.
Еврейский органист, жми клавиши до хруста,

Еврейский гармонист, наяривай по-русски,
Еврейский органист, Аве Мария, Фруктус.
Прошу тебя, пожалуйста, без грусти.
О, никогда не повторится
Та белобрысая девица,
Циркачка, неженка, блудница,
С которой я во снах кружу,
Которой я принадлежу.
Как никогда не повторится
Та златоглавая столица,
Дней отгремевших колесница,
В которых я во снах кружу,
Которым я принадлежу.
Еврейский органист, Мария в чёрной церкви.
Еврейский гармонист играл в гастрольном цирке.
Еврейский органист в Гарлеме в чёрной церкви.
Еврейский, Аве Магдалина, шапито.
Играй, пускай не понимает нас никто.
О, никогда не повторится
Та белобрысая девица,
Циркачка, неженка, блудница,
С которой я во снах кружу,
Которой я принадлежу.
Как никогда не повторится
Та златоглавая столица,
Дней отгремевших колесница,
В которых я во снах кружу,
Которым я принадлежу.

5 декабря 1992

6. БЛЮЗ НОЧНОГО ДАУНТАУНА В ПРОВИДЕНСЕ

По Энджел-стрит поедем в даунтаун,
По Энджел-стрит поедем в даунтаун,
По Энджел-стрит, по Энджел-стрит, по Энджел-стрит,
Туда, где красный огонёк горит,
Туда, где чёрные блуждают фонари.
Они толпятся на углах и в подворотнях.
Туда, где чёрные блуждают фонари.
Они по улицам гуляют до зари.
Туда, где чёрные блуждают фонари.
Они толпятся на углах и в подворотнях.
Ты с ними о любви поговори.
По Энджел-стрит поедем в даунтаун,
По Энджел-стрит поедем в даунтаун,
По Энджел-стрит, по Энджел-стрит, по Энджел-стрит,
Туда, где красный огонёк горит.
Тебя обступит чёрный хоровод
Шатающихся чёрных фонарей,
И девочка тебя уговорит,
Уговорит, куда-то поведёт,
Уговорит, и ты пойдёшь за ней
В сопровождении бродячих фонарей.
Тебя обступит чёрный хоровод.
О не скупись на скорость, не жалея,
Гони по Энджел-стрит, по Энджел-стрит
В ночное царство чёрных фонарей.
Там в даунтауне тебя девчонка ждёт,
Её никто нарочно не берёт.
Тебя обступит чёрный хоровод,
Тебя обступит чёрный хоровод,
И девочка куда-то поведёт

В сопровождении бродячих фонарей.
Гони, гони по Энджел-стрит скорей,
Гони, гони по Энджел-стрит скорей,
Гони, гони по Энджел-стрит скорей,
Гони, гони по Энджел-стрит скорей,
О, не скупись на скорость, не жалея
В ночное царство чёрных фонарей.

5 декабря 1992

БЕЛЫЙ ГОРОД

Дорогая моя, это всё в результате запоя,
Опьянения городом, приобщения к дали веков.
Белый город покинут, и мы возвратились с тобою
В город памяти, в город придуманных слов.

1993

ДОРОГАЯ МОЯ, ДОРОГАЯ МОЯ

Дорогая моя, дорогая моя,
Дорогая моя, дорогая,
Я привёз тебя за леса, за моря.
А что делать с тобой не знаю.

Там в далёкой степи, где ямщик замерзал,
Знал и я, как тебя приголубить,
Знал секрет про большой голубой минерал
Где-то между Москвой и Калугой.

Голубой минерал над водой замирал,
Если ты по нему пробегала.
Этот лёгкий снежок, этот лёгкий шажок,
Песня зимнего минерала.

Дорогая моя, слышишь, вьюга поёт,
Видишь, гуси летят из Канады.
Мы поедем туда, где на озере лёд.
Ну не плачь, дорогая, не надо.

октябрь 1993

В РОЩЕ ПАЛЬМОВОЙ

В этой роще берёзовой...

Н. Заболоцкий

В роще пальмовой пела мне птица диковинная,
То ли дрозд, то ли клёст, то ль свояченица сороки.
Я за птицей пошёл, подпевая тихонечко
И не разбирая ни слов, ни дороги.

Две мелодии начали переплетаться в единую
Песню неба и дола, песню первого дня и последнего.
А потом и слова прояснились, печальные дивные.
А кому-то могли показаться слова эти бреднями.

Всё хотела она повернуть мою мысль в дали-дальние,
Повторяла названья забытые, имена полустёртые.
Я названия улиц не вспомнил и лиц не увидел
за чёрными ставнями.
Видно память закрыта навеки глухими запорами.

И взмолился я: птица, прошу тебя, пой мне про нынешний
День и рошу воспой эту пальмовую, а не берёзовую.
Никуда не пойду я отсюда ни в Питер, ни в Кинешму,
Не тревожь мою память мелодиями-вопросами.

Улетай, птица-Сирин, не зови ты, Сирена, в сирень
сумашедшую,
Пой-играй без меня, трогай ставни, глухие забитые.
Никогда, никогда не вернусь в эти дали, навеки ушедшие.
Никогда не увижу я лица, навеки забытые.

1993

ОТБОЛЕЛА ДУША

Дорогая моя, не учить, не лечить я тебя не могу.
Не могу, не хочу, я устал, отболела душа.
Видишь, это подковы мои валяются на берегу.
Я усталый кентавр умираю, на звёзды дыша.

Я когда-то подковы и сёдла, как песни менял.
Больно было скакать да удобно сиделось тебе.
Но протёрся, зарос, заржавел в моём сердце металл.
Дорогая моя, я устал и учить, и лечить и перечить судьбе.

Отболела душа, отлюбила, отпела своё.
Заржавели подковы, осока шумит под седлом.
И лучи закатного солнца плавают старое сердце моё.
И прибой, как седой музыкант, бьёт об лодку веслом.

1993

АВТОМОБИЛЬНАЯ МЕЛОДИЯ

Медленно *драйвить* под звук золотой трубы,
Вообразать автомобиль серебряным саксофоном,
Верно вести мелодию и не *туды-сюды*,
А в направлении яростного небосклона.

Друг дорогой, соло твоё подошло,
Не подкачай, ноту не сбей ни на йоту,
Звук золотой выдай чертям назло,
Чтобы и ангелам было встречать неохота.

1993

СУДЬБА-АМЕРИКАНКА

Что я могу тебе сказать, судьба-американка,
Поставил я *ва-банк* и выиграл тебя.
Проскрежетала жизнь, как ржавая жестянка,
Я жил *ва-банк*, и ненавида и любя.

1993

КАЖДОЕ УТРО Я ПРОСЫПАЮСЬ ПОЭТОМ

Дорогая моя, каждое утро я просыпаюсь поэтом,
Намечаю прожить день грядущий, как Есенин или
Кузьминский.

Трость для защиты от псов придорожных взять и шляпу
лихо надвинуть,
Или с зари до зари проваляться в постели, крутя бороды
мочало.

Дорогая моя, превосходно брести вдоль придорожной
канавы

В лес, сбивая карусельные шапочки одуванов,
В лес густой, в Линкольн-парк, где гуляют американцы.
В общем, славно пожить по-есенински в штате Род Айленд.

Дорогая моя, и по-Кузьминскому тоже пожить нехудо:
Сладко спать, славно есть и пописывать лёжа в постели.
Борзые собаки валяются тут же. Трость таскать ни
к чему да и некуда, право.
Разве что, показывать любознательным американкам,

Как метафору русских возможностей, воплощённых
в реальность,
Тень чего-то мелькнувшего из-под затасканной рясы.
Хорошо здесь, ей-Богу, поэтам российским живётся.
Настоящим поэтам в Америке просто роскошь.

Дорогая моя, хочу просыпаться каждое утро,
Как российский поэт. Пить задумчиво крепкий
турецкий кофе.
Выходить на крыльцо. Разговаривать с милым соседом
Об охоте на зайцев или возможном отлове полосатого
окуня дюймов на сорок.

Возвратившись в дом, славно выпить рюмочку Наполеона,
Сесть за письменный стол, включить Макинтош-
компьютер,

Шрифт забористый подобрать для новой поэмы,
И писать и писать про загадочный град Провинстаун,

Где красавицы ходят в обнимку, как милые сёстры,
Где атлеты облизывают друг друга, словно телята,
Где у деток счастливых бывает сразу две мамы
Или даже два папы, которые нежно любят друг друга.

Впрочем, дело не в теме поэмы. Сами стихи приходят,
Как Поэт произнёс, из всякого сора, если живёшь поэтом.
Надо жить, как российский поэт, в Новой Англии,
в Туле, в Париже.
Сочинять до обеда стихи, до обеда по русскому стилю.

Отпечатав поэму на лазерном принтере, съездить
На ближайшую почту, бандероль первым классом
отправить
В «Панораму», «Русскую мысль», «Вестник»,
«Новое русское слово»,
«Еврейский мир», «Новый журнал», «Время и мы»,
«Черновик», «Побережье».

А для скорости или куража, если шторм, громобой,
наводнение,
Можешь факсом поэму отправить прямо другу-редактору
в руки:
Люде, Боре, Наташе, Пете, Саше и Юре, Вите,
Игорю, Осе.
Ждут поэму редакторы с естественным нетерпением.

Каждый без промедленья поэму направит в набор
и выпишет сотню и больше
За любую поэму, даже если не в рифму написана:
белым стихом или верлибром.
Между тем, возвратившись с почты или, покончив
занятия с факсом,
Можешь письма, пришедшие нынче, пролистать,
отобрав переводы,

Переводы стихов твоих на язык австралийский,
Югославский, швейцарский, израильский,
американский, канадский,
Или даже, как принято в нашенском Зарубежье,
Переводы обратные с эмигрантского на россиянский.

Но душа твоя жаждет, и пальцы находят переводы
иного порядка,
Гонорар за поэмы, напечатанные в красочных альманахах,
В популярных газетах, в толстых солидных журналах,
О подписке на них эмигрантская публика спит
и мечтает.

Потому что страницы этих многотиражных изданий
Украшает твоё, поэта российского, имя.
Словом, можешь не сомневаться, что в одном или
двух конвертах
Ты получишь заветные чеки, которые в банке
ближайшем на доллары обменяешь.

Между тем, на часах городских кукушечка прокуковала
Пять разочков: ку-ку ку-ку-ку кукареку ку-ку, куманёчек.

Пять разочков ударили колокола на церквах всевозможных:
Католической, евангелической, англиканской,
мормонской,

Адвентистской, украинской униатской, и армянской-
грегорианской,
Православной российской и греческой. Только
на синагоге
Нет ни колокола, ни кукушки, нет ни сторожа,
ни колотушки,
(Это всё, чтобы поэта российского не отрывать
от достопочтенных занятий.)

Но кукушка напомнила и колокола подтвердили,
что время для первого дринка пришло,
Что пора отправляться в писательский бар или
творческую пивную,
Пабом названную на океанских англоязычных широтах.
Ты садишься в сааб, ты разваливаешься в ролс-ройсе,

В кадиллаке ты катишь, ты маздой вмазываешь *хайвею*,
Ты бросаешь ключи Отелло в генеральской ливрее,
Ты влезаешь на вращающийся табурет у стойки
напротив огромного телеэкрана,

Ты проглатываешь стакан смирновской водки
с ледяным апельсиновым соком,
Ты болтаешь с рыжебородым барменом о предстоящей
охоте на зайцев,
И об удачном отлове полосатого окуня, этак дюймов
на сорок, на Провинстаунском рейде,
Об удачливом Формане, лысом экс-чемпионе по боксу
и проповеднике в прошлом,

О Майкле Джексоне и его зоопарке, где резвятся
детишки, о его зоопарке
На широченной постели: игрушки, звери и дети
в прятки играют на широченной постели.
Между прочим, рыжебородый бармен подзывает
классную девку,
У неё сияют глаза, грудь, как колокол, и ножищи,
как у страуса или Плисецкой.

Но пора. Ты домой возвращаешься. Ждёт жена.
Вы сегодня обедаете в «Каприччио».
Цвет Род Айленда в сборе. Сверкают ножи и бокалы.
Вы проглатываете по две дюжины устриц, поданных
по-нью-орлеански,
Выпиваете бутылку Клико, съедаете бульон из мяса
морской черепахи,

Уничтожаете бифштексы из плавников синеврюхой
акулы и цедите,
Цедите, цедите, смакуете ликёр «Амаретто».
И отправляетесь
Прокатиться вокруг Бульвара Чёрного Камня, чтобы
в себе возбудить желание
Пообщаться культурно с русской интеллигенцией
штата Род Айленд.

Вас заждались. Пускает пары самовар, как локомотив
на Московском вокзале.
На столе громоздятся печенья, варенья и всяческие
наливки.

Ты предпочитаешь стакан китайского чая
с рижским бальзамом.
Между тем, фармацевт Синеблюм читает отрывок
из повести о кагебистах.

Винокуров, владелец домов, критикует прозаика
с точки зрения бывшего диссидента.
Акуленко-Миронер (она) предлагает разрезать
свой любимый сонет на строчки:
По числу кагебистов и диссидентов, намешанных
в повести Синеблюда.
Ты киваешь, подбадриваешь улыбкою мэтра
полемический жар молодых дарований.

Обсудив «Бук Ревью», «Нью Йоркер», «Атлантик»,
«Плейбой», «Литгазету»,
Перебрав знаменитых актёров, писателей, спортсменов
и конгрессменов,
Обменявшись мыслями о предстоящем отдыхе на Ямайке,
Сант-Мартине, Пуэрто Рико, Гренаде и Барбадосе,
Обсудив все возможности, связанные со снижением
процента на *mortgэдж*, ты прощаешься.

А перед самым уходом Синеблюм, Винокуров и
Акуленко-Миронер
Предлагают издать за счёт почитателей книгу твоих
избранных стихотворений.
Соглашаешься и засыпаешь в объятиях близкой
и окончательной славы.
Засыпаешь, чтобы проснуться знаменитым российским
поэтом.

.....

Дорогая моя, зачем ты меня торопишь и глядишь
на часы, и заворачиваешь бутерброды?
Ты же знаешь, родная, что моё ежедневное развлечение —
Забежать на ланч в Данкин Донатс, заказать стаканчик
кофе со сливками и кофейную булку,
Сесть на впаянный табурет у стойки перед огромным
окном-экраном,

И глядеть на окрестную публику. Вот красавица-
негрityнка грациозно ведёт за собой курчавых детишек.
Вот старик-инвалид толкует с толстухой, которая катит
тележку.

Из тележки торчат всевозможные вкусности, купленные
на *фудстэмпы*.

Вот проехала автомашина с прицепом, в котором лежит
рыбацкая лодка.

На рыбалку завтра поеду, как положено русским поэтам.

31 октября-7 ноября 1993

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

ЧЁРНАЯ РЫБА

Ну ладно, глупое животное,
Плыви куда ни глянь.
Твою свободу первородную
Моя запомнит длань.

Ты намертво укрылась в скалах,
Так лёску напрягла,
Что ярость мне твоя досталась.
Но я не помню зла.

О, как тебя я понимаю:
Свободы зов в крови.
И кровь с ладони вытираю,
И говорю: плыви.

1994

ЗАБРОШЕННАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ НА КЕЙП КОДЕ

Пароходы кричат на канале,
Паровозы кричат о любви.
Мы давно уже не вспоминали,
Как поют о любви соловьи.

Эта длинная в стойках платформа,
Эта песня заржавленных рельс.
Пароходы гудят — это норма.
Паровозы — из прошлого весть.

Мы поставим свой автомобильчик
У платформы, где помнит сирень
Паровозный протяжный мотивчик,
Бесконечный суставчатый день,

Перестук буферов и вагонов,
Переключку свистков и гудков,
Театральную дачность перронов...
Ты готова? Я тоже готов

Ждать до ночи под дикой сиренью,
Как дрозды запоют о любви
Посреди пароходного пенья.
Здесь дрозды, ну а там — соловьи.

1994

ЭЛЕКТРОСКАТ

*Милорд, матросик мой, малыш,
запомни этот день в норд-весте.
Я знаю — ты не укоришь
меня в обдуманном злодействе.*

Е. Рейн

Где прыгает электроскат
За стёклами аквариума,
Я вспомнил ночи автострад
И ярость фар обваренных

Прожекторами встречных фар,
Влюблённость их секундную,

И новых встреч любовный жар,
Воспоминанья скудные.

Какой-то трепет, лепет, зов,
Любовное томление,
Каких-то нерождённых слов,
Рождение и тление.

Вот также ты, мой ангелок,
Морской божок, обманщик,
Выстукивай подводный рок,
Влюблённый барабанщик.

Готов ты каждого пленить
Палящими глазами,
Готов ты каждого испить
Манящими губами.

Но понимаешь, не хочу
Твоей электрострасти.
Ночным *хайвеем* укачу
От дьявольской напасти.

1994

НОСТАЛЬГИЯ

Прекрасно возвращаться
В знакомые места,
Где церковь возвышается
У самого моста.

А дальше синагога,
Там кладбище, погост.
И общая дорога
Среди крестов и звёзд,

Таких разноконечных,
Как рейки шалаша.
Таких больных и вечных,
Как русская душа.

1994

СЛОМАННАЯ СТЕНА

У сломанной старой стены,
Из которой растёт куст,
Мы поняли, что не нужны
Друг другу, что путь пуст.

Путь, который привёл к стене,
Чтобы здесь умереть.
Мы с тобой на каменном дне,
И судьбы захлопнута клеть.

Это правда, родная, в тупик
Мы зашли. Это жизни обвал.
Не луна, а лукавый лик.
Я устал, понимаешь, устал.

В этом каменном тупике
Я готов навсегда осесть.

.....
.....

.....
.....

Что там светится вдалеке?
Вдруг летит к нам благая весть?

Вдруг зардеет цветами куст
На разрушенной бытом стене?
Стану я опять златоуст.
Ты опять приникнешь ко мне.

1995

ТАМ, ГДЕ ЧЁРНЫЙ ДЕЛАВАР

Там, где чёрный Делавар
Входит в синий Океан,
Я тебя поцеловал,
Наважденьем обуян.

Ты сказала: погоди!
Ты сказала: не спеши!
Ты сказала: приходи!
Только прежде соверши

Подвиг, равный тем, что грек
Легендарный сотворил.
Измени движенье рек
И вращение светил.

Или знаешь, дорогой,
Сделай так, чтобы опять
Нам с тобою над Невой
Белой ночью постоять,

Вспоминая, словно дар,
Те места, где в Океан
Катит воды Делавар
Посреди одной из стран.

1995

СТОЛБЦЫ ПОКАССЕТСКОЙ РЕКИ

Одна купальщица лежит,
Раскинув ноги на траве.
А голова её бежит
К невероятной синеве

Небес, которые лежат
Над лесом, лугом и рекой.
Другая скинула подряд
Часы, купальник и рукой

Пытается достать луну,
Нырнувшую на глубину.
А третья, с грудью на скаку,
Кричит судьбе: Кукареку!

Её настойчивый призыв
Подхватывает рыболов,

Готовый с лодки: Будь готов!
Рвануться в дьявольский заплыв.

Но в это время над рекой
Плывёт прозрачный вертолёт.
Пилот в каскетке голубой
Знак рыболову подаёт
В том смысле, что: Отбой! Отбой!

1995

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Все птицы улетели, кроме самых зимних.
Куда улетели, Бог весть.
Спой мне, родная, спой ты мне
Самую зимнюю нашу песнь.

О том, что надо заклеивать окна,
Листья в коричневый куль ссыпать,
О том что травы осенняя охра
Закроется белым снегом опять.

О том что, о том что, о том что, пожалуй,
Надо новую песнь заводить.
Но как сменить мотив обветшалый,
Когда ни петь, ни играть, ни любить?

Ну знаешь, родная, так можно вовсе
Впасть в тоску и прочую блажь.
Шарф намотай и приготовься
Выскочить в снежный ажиотаж.

Вот она песня, зимняя самая,
Песня елей и северных звёзд.
Партия скрипки — полозья санные.
Партия флейты — замёрзший дрозд.

1995

НА ПРЕДЕЛЕ

Когда твоё тело становится полигоном боли,
На котором ведут пристрелку врачи,
Вспомни поляну в Карелии, полную гоноболи,
Упрись глазами в окно, вспоминай, молчи.

Ты увидишь, боль твоя притянет память
О заветных местах, населённых родными людьми.
И в пропасть наркоза ты будешь падать,
Как в страну навек отлетевшей любви.

1995

НАШИ ОДИССЕИ

Ты понимаешь, я не знаю сам,
Зачем мы кинулись в такие одиссеи,
Что непосильны даже кораблям.
Куда подались мы с лодчонкою своею?

1995

МОЕЙ ПОДРУЖКЕ

Что ж пойми, моя подружка,
Новый Свет, как Старый Свет.
Пили мы из общей кружки
Слишком много общих лет.

Много лет мы вместе пили,
Пили время, как вино.
А куда теперь приплыли,
Если вправду — всё равно!

Будет осень, будут астры
На твоём стоять столе.
Почему же ты бесстрашна,
Словно осень — на сто лет?

1995

ТЫ ГОВОРИЛА: Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

Ты говорила: «Я тебя люблю».
И это было правдой в тот момент,
Когда дарило солнце октябрю
Прощальный жёлтый расставальный свет.

Ты говорила. Я губами брал
Твои слова, как волк берёт кутят.
Так ветер западный берёт Урал.
Так забулдыги на заре кутят.

1995

ПОДНИМИ МЕНЯ

Если я упаду, ты меня подними, не гордись.
Не вези меня в старческий дом, не давай
равнодушным врачам.
Лучше рядом с тобой отлетит моя глупая жизнь,
Чем среди чужаков доживать на потеху врагам.

1995

МИРАЖ

Две глыбы качаются на волнах:
Москва и Питер.
Давно отряхнул я отчизны прах
И слёзы вытер.

Зачем же, зачем, как приду сюда
На брег пустынный,
Мой разум охватывает беда,
Недуг старинный?

В ударах столкнувшихся диких волн,
В пыли солёной
Я слышу тоски бесконечной вопль —
Нерв оголённый.

Терзает и ранит один мираж,
Два стольных града:
Москвы Златоглавой кутёж и раж,
Стынь Петрограда.

Хотя за спиной *хайвеи* гудят
Нового Света,
От миража не отринуть взгляд,
Не услышать привета.

1995

ПОЕЗДОМ АМТРАК ИЗ ПРОВИДЕНСА В НЬЮ-ЙОРК

Поезд АМТРАК катил вдоль Атлантики,
Вдоль океана катил полдня.
Мчались рекламы — фантики-бантики —
Мимо меня, мимо меня.

Я приближался к городу-чудищу,
К городу — гению городов.
Нью-Вавилонское многолюдие
Скаутским воплем встречать был готов.

Я приготовился. Поезд ударником
В джазе Гудзона-Гарлема стучал.
Чёрный кондуктор солистом-напарником
В песне прибытия быть обещал.

Но погодите! Что это? Бредится?
Старая песня, зачем ты со мной?
Видю, как над Манхэттэном светится
Облако, плывшее над Невой.

В ритме колёсном с чёрным парнягою
Стали вопить про Неву и Гудзон

И запивать неположенной флягою
Болью с восторгом настоящий стон.

1995

НАБЕРЕЖНАЯ РЕКИ В ПРОВИДЕНСЕ

Когда вступаю на гранитную плиту,
Когда гляжу в темнеющую воду,
Я вижу липы в оплывающем цвету,
Над Малой Невкою угрюмые заводы.

Там жизнь моя настраивалась на
Мечту увидеть Темзу, Рейн и Сену.
Оттуда Выборгская сторона
Дарила мне гудки, как пение сирены.

О, не обманывай, не обольщай, гранит,
Лобастой прочностью и блеском взора!
Твоя река сирену не сулит,
И не палит сомнамбульной Авророй.

Я успокоился. Стремись же в океан,
Река моих закатных песнопений.
Я одинок, охаян, окаян.
Мне ль увидеть богиню в дерзкой пене.

1995

ОСЕННИЙ САД

Отлетел мой бедный сад:
Сливы, розы и малина.
Пожелтевшие куртины
Зиму скорую сулят.

Только ёлка у крыльца
Новь с былым соединяет,
По-медвежьи уверяет:
Этой жизни нет конца.

1995

ДАВАЙ ТАНЦЕВАТЬ ПРИ ЛУНЕ

Давай танцевать при луне, при луне,
Только не жалуйся мне
На то, что рука
Моя жестка,
Что утоплена жизнь в вине.

Давай танцевать при фонарях, при уличных фонарях.
Только не жалуйся мне
Второпях,
Что вся наша жизнь — бесконечный крах,
Что всё это — тлен и прах.

Давай танцевать — почему бы нет! — при огоньках
сигарет.
Только не жалуйся мне,
Что поэт

Способен разрушить всю жизнь на нет.
Мы пьём и гуляем сто лет.

Давай танцевать при мерцании звёзд и самолётных огней,
При мелькании фар на шоссе, перемещеньи теней,
При змеистой рекламе, давай!
Питерский где ты, трамвай?

Как хорошо при бенгальских огнях
Электрических дуг танцевать.
Вспомни, как будто это на днях.
Давай танцевать при лесных светлячках.
Что же нам горевать!

Давай танцевать до конца своих дней.
Милая, повеселей!

1995

ПЕЙЗАЖ БЕЗ ГЕРОЯ

Ночь, улица, фонарь, аптека...

А. Блок

Бульвар.
Бензоколонка.
СиВиЭс.
Ночная жизнь столицы штата.
Ночная улица —
Сплошной ликбез
Без словаря.

Куда спешишь?
Куда ты?

Туда на берег сумрачной реки.
Там пристань с баром.
Речи там легки.
Заказывай.
Плати.
Высасывай отраву.

Когда же нагуляешься на славу,
Насмотришься провинциальных игр,
Рули обратно.
СиВиЭс.
Бензоколонка.
Полночная мадам с паршивенькой болонкой.

Бульвар.
Китайский ресторан.
Бумажный тигр.

1995

ОПАСНАЯ ЯСНОСТЬ

Наступила опасная ясность
После долгих дебатов и ссор.
Прояснилась былая негласность
Всяких-всячин, прилипших с тех пор,

Как мы бросили дом и ковчежный,
Быт безродный избрали себе,

Эмигрантский, цыганский, ночлежный
В нашей евроазиатской судьбе.

Будем честными: мы проиграли.
Наши ставки судьба-банкомёт
Прикарманила. Этого ралли
Никакой звездочёт не поймёт.

Нас манили астральные карты,
Гороскопы, прожекты, прыжки.
Мы предприняли стадные старты.
На подъём были так мы легки.

На каком-то крутом повороте,
Над обрывом, где дик океан,
Пляшут плечи в рыдальном фокстроте
Плачет-бьётся стакан о стакан.

Выпьем, милая! Пляшет бутылка
Чудо-рыбой в прибрежной волне..
Заблудившаяся улыбка
Приплыла, наконец-то, ко мне.

1995

ЕСЛИ ПЕРЕСЧИТАТЬ

Если всё-таки пересчитать
Количество счастья,
Которое мы получили когда-то
В родимой застойной стране,

На количество самых счастливых часов
В Новом Свете,
То получится странная пропорция:
Там счастье было пронзительнее.

Но если вспомнить,
Сколько раз
Нас унижали, топтали в грязи,
Толкали на ложь, предварительно запугав,
То здесь мы живём
Гораздо благополучней,
Хотя и не так весело,
Как ожидалось.

1995

СМИТ-СТРИТ

Не посылай меня в район воров и наркоманов,
В сплетенье переулков, где смеркается так рано,
Что нож сверкает, словно месяц из кармана,
Где царствует закон карата и Корана.

Не говори, что я от жизни отгорожен,
Что разницу забыл между продажным и хорошим,
Что душу присолила мне житейская пороша,
Что повседневностью я оскоплён и огорошен.

Не посылай меня. Мне сон такой приснился:
Ты настояща. Я поехал и влюбился
В загадочную кхмерку в юбке до земли.
Во сне забыл тебя. Мы с девкой шли и шли,

Пока не оказались в погребё-притоне.
Там всё смешалось: вопли, люди, кони.
И я забылся с ней в продажном стоне.

.....

Не посылай меня на край земли.

1995

ПРИЯТЕЛЮ-ПЕССИМИСТУ

Ты мне звонишь и жалуешься, жалуешься,
Что жизнь становится скучна и тяжела,
Что флиртами давно уже не балуешься,
Что медленно перо и неярки дела.

Ты был когда-то пламенным писакой,
В редакциях желанным был лицом,
Когда-то всемосковским слыл гулякой,
Успешным мужем, пробивным отцом.

А нынче, если в полгода статьюшку
Пристроить удаётся в «НРС»,
Свой гонорар в некрупные картишки
Проигрываешь, словно мелкий бес.

Не жалуйся, прошу тебя, приятель.
Всё дело в возрасте, а вовсе не в стране.
Природою распорядился так Создатель,
Что почки набухают по весне.

Там — молодость была. И мы дерзали.
Поверх барьеров кони нас несли.

Коней мы в переездах растеряли,
Усталыми на край земли пришли.

Поэтому ты Новый Свет не трогай,
За наши беды эту землю не брани.
Сюда пришли мы добровольною дорогой.
Кто виноват, что угасают наши дни?

Пойдём с тобой на берег океана,
Усядемся на каменный откос.
И крепкое вино из одного стакана
Мы будем пить и вспоминать былую жизнь до слёз.

1995

ОБ ОДНОМ РАССКАЗЕ

Нет, мне не понравился этот рассказ
В модном журнале.
Столпотворенье банальнейших фраз
В самом начале.

Продолговатый, как поезд, сюжет,
Страсть иль страстишка?
Дым недокуренных сигарет,
Запах винишка.

Слёзы, измены, прощенья... Обрыв
Линий любовных.
Шёпот прощанья. Записка навзрыд.
Топот вагонных

Стуков и лязгов. Всего ничего.
Слово, как слово.
Но почему же читают его
Снова и снова?

1995

В СТРАННОЙ КОМПАНИИ

Я оказался в компании диких уродов.
Нет, не подумайте, внешне они походили
На обыкновенных выходцев с Того Света.
То есть выходцев из Страны Советов.

Один весь вечер говорил о стоках.
Другая о стихах Евтушенко.
Третий, четвёртый, двенадцатая...
Впрочем, я погрузился в стакан с остуженной водкой,
Ушёл на дно,
Отсиделся,
Сделал вид,
Что такой же,
Но глупонемой.

1995

ПОСЛЕДНИЕ РОЗЫ

Последние розы
Цветут в ноябре.

Последние росы
Бредут на заре.

Без зова и знака,
Как в тексте петит,
Шальная собака —
Метель налетит.

И глянув на снежный
Покров на дворе,
Мы вспомним, конечно,
Цветы в ноябре.

Не майских бутонов
Нахальную плоть,
А жёлтые кроны
И стылую соть.

Вороньи крики —
Предвестники стуж,
Как тёмные лики
Таможенных служб.

1995

МОЙ ПРИЯТЕЛЬ УБОРЩИК

У меня есть приятель уборщик,
Интеллигентный человек,
Которому не удалось
Найти работу по специальности.

Зимой он убирает снег,
Летом стриждёт траву,
А осенью набивает мешки листьями.

Он твёрдо знает смену времён года.

А я всё на свете забыл,
Всё перепутал.
Ты у меня и весна и лето,
Осень, зима,
Дождь бесконечный,
Снегопад,
Листобой,
Половодье,
Зной и любовная лихорадка.
Кто бы помог разобраться?
Разве такая, как ты, спросить у другой позволит!

1995

ПАМЯТИ МИШИ КРЕПСА

Ты записывал палиндромы
С прямою и доверчивостью блаженного.
Ты был похож на Витю Хлебникова
И Ксюшу Некрасову.
Ты записывал зеркальные отражения губ,
Шептавшихся с берегами Невы,
Полюсами земли,
Руками Шивы,
Бёдрами женщины.
Ты был кристаллографом славянских звуков.

Природа выбрала тебя, как бересту,
Для записи палиндромов генетического кода.
Но природа пренебрегла абсолютной точностью,
Приняв ТТС за ГАА.*
В глубине мироздания
Ты можешь побеседовать с Тем,
Кто управляет Вселенной,
И выяснить, почему Он так напутал
В твоей жизни и смерти.

7-14 февраля 1996

* Т, С, G, А — нуклеотиды, образующие
генетический код.

КОНЕЦ 20-го ВЕКА

Захлопнулась книга 20-го века,
И мы не успели внести свои песни.
Вписать не успели, хотя мы их пели
И млели от звёздного мёда и млека.

28 января-7 августа 1996

СМЕРТЬ БРОДСКОГО

*Где стол был яств, там гроб стоит,
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.*

Г. Державин

1

Когда мы плясали и пели
И пили за щедрым столом,
Голодные грифы летели
В его омертвевший дом.

2

Мы скажем, в прошлом веке жил поэт,
Пришедший из России в Новый Свет.
Мы в новом веке скажем, в прошлом веке
Жил тот, кому закрыла слава веки.

3

Умер Бродский. Кончен 20-й век.
Умер русский-еврей-латинянин-грек.

30 января 1996

ВЫ ЖИВЁТЕ НА УРОВНЕ ПТИЦ

Дм. Бобышеву и Г. Рубинштейн

Вы живёте на уровне птиц,
Белок, ласточек, радиоволн и прочей

**Живности, для которой границ
Нет на этой земле, до границ охочей.**

**Вы живёте на уровне веток и облаков,
Телеграмм, стеллажей, витражей
И старославянских стихов.**

**Вы живёте на уровне ливней и ворожей,
У которых способность написана на роду
Листья осени так стасовать, что если ты не в ладу
Со своей душой, то прогонят взащей.**

*апрель-июль 1996
Шампэйн-Провиденс*

ГАДЫ И ГОДЫ

**Гадов не меняют годы.
Гады меняют коды.**

июль 1996

НА КОЛЕНЯХ ДЕДА

Равнины вышли на равнины...
Б. Слуцкий

**Помню себя на коленях деда-раввина.
Он кормил меня булкой, поил молоком.**

А за окном лежала снежная равнина,
И месяц схлестнулся с трубой, как серп с молотком.

7 августа 1996

САМОИРОНИЯ

Максиму

Я ещё действующий вулкан,
Недра мои сотрясает страсть.
И никаким волкам
На меня не нагнать страх.

1996-1997

ЖЁЛТАЯ ЗВЕЗДА

И над моей могилою еврейской...

И. Бродский

1

Метель по улицам чудила
И в петроградской полумгле,
Как перепившая чувиха
Стриптиз плясала на столе.

Стол состоял из крыш, гранита,
Асфальта, спин, автомашин.
Возможно ли найти границу
Одушевления и души?

В такие дни печально Питер
Приподнимает воротник.
Мой дом, как на приколе катер,
Причально к деревьям приник.

Я никого не ждал в тот полдень
В свою окраинную тишь.
Коль не дано отцовских Болдин,
В любую непогодь творишь.

Для поэтического транса
Мне осень вовсе не нужна.
Её богатое убранство
Пугает стих. О, тишина

Снегов, лежащих на тени
Ветвей, которые снегам
Открыты, словно взглядам тело.
За ярость красок не отдам

Печаль глухого предвесенья,
Когда отрезанность велит
В поэзии искать спасенья
От нелюбовей и обид.

2

В такую смутную погоду
Дверной звонок заголосил
И стихотворную свободу
Под корень слабенький скосил.

И молнией сорвавшись с клёна
Лист жёлтый — жёлтая звезда

К окну прижался оголённо,
Одновременно дар и мзда.

И в подтверждение приметам
Дверь отворилась. Он вбежал,
Лист пожелтевший и комета.
Мольба и ранящий кинжал.

Он был — промёрзший лист кленовый,
Пылавший в белую метель,
В румянце тяжелобольного,
Но отклонившего постель.

«Велосипед сквозь снег, вдоль рельсов
Меня едва сюда довёз.
У вас в Лесном пейзаж карельский.
И рядом свищет паровоз.

Здесь после Пушкина — Наталья
Жила в имении Ланском.
Ты видишь, снежная баталья
Кружится в танце шутовском!»

К окну метнулся: «Снегириха
Была когда-то. В зеркала
Она, как в сад, влетела лихо
И свечкой на пол оплыла...»

В окне он лист увидел мёртвый,
К холодным стёклам лоб прижал:
«Мне надоело биться мордой
В опустошённый мой причал!

Пойми, я — жёлтая повязка
На собственных моих глазах.
Мне так необходима встряска.
Ты знаешь, что такое крах,

Любовный, дьявольский, дикарский,
Мужской, плебейский? Глупый бред?
Осталось верное лекарство —
Гнать сквозь метель велосипед,

Бежать, бежать в дыру любую
От вьюжности *её волос*.
Но как бежать, когда люблю я
До ощущения колёс

На горле. Видишь, вереницей
Старухи с verboю бредут.
Ах, Вероника, Вероника,
Снега с тобой нас разведут.

Метель, зачем меня ты дразнишь
Листом, припаянным к стеклу?
Ах, чёрт с ним, брат! Устроим праздник,
Затопим печку и к теплу

Присядем. Почитай, пожалуй,
Свои любовные стихи».
Читали до ночи. Дрожали
В печи огни, как петухи,

Они истошно голосили,
В золу шарахались с полен,

Как девочки ночной России
В траву с ликующих колен.

3

Это дуракаваляние,
Эта дружба второпях,
Это душеизлияние
С безразличием в глазах.

Этот снег январский колющий,
Эта церковь на крови.
До процесса далеко ещё.
Милый, рви отсюда, рви!

Но настойчивее штопора,
Обречённое вина,
Он махнул перчаткой штопанной:
«Эта мысль для тех верна,

Кто не распознал призвания,
Ну, а коли распознал,
Денег жаждет и признания,
Словно слава — не провал.

Мне дороже снег над церковью,
Над каналом, надо мной,
Чем бездушие и цеховость
Разобщённости людской.

Рвать? Но как с полукандалными
Бдениями над листом?
С выступленьями скандальными?
С Питером? Как отчий дом?

Вероника? Помнишь майскую
Возбуждённую Неву?
Мы читали. В окнах марево,
Был во снах я? Наяву?»

4

На плоту прозрачной тоники
Плыл он к той, что у стены
Притаилась. К деве в тунике,
Сшитой болью из вины.

Как читалось? Как картавилось?
Вознесение? Провал?
Помню, как вокруг её рта вилась
Привлекающая зал

Та гримаса Жиокондова,
Похоти и девства смесь,
Та, которой заколдована
Жизнь его вовеки-днесь.

Усмехнулась. И влекущая,
С плеч призывных скинув плед,
Отвернулась, словно скучно ей
Слушать тот еврейский бред.

Второпях на сцену глянула,
И под стиховой мотив
В дверь, в окно ли мигом канула,
Стул прощально уронив.

5

Как будто бы не было крова,
Лишь тучи над Балтикой,
Тропами Комарова
Брёл мученик-баловень.

Рыжие космы приникли
К золоту клёнов,
К плачу по Веронике,
Который — орла клёкот.

«Брат, ты куда?» «Воды
Посуху одолею».
«Баловень, что свобода,
Если разлука с *нею*?»

«Скоро уйду в дали».
«Мученик, будь с нами».
«С ней мы чужими стали».
«Баловень, станешь снами».

6

Питер исколесив от кладбищ и до залива,
Скоростью полоснув по животу Невского,
Я вырвался из памяти сиротливой,
Я мчался вдоль пашен и перелесков.

Была суббота. Я мчался мимо бензозаправок,
Перелесков и полей картошки, глотая
Слёзы прощания с городом, где мы считали за право
Первой ночи читать друг другу стихи, болтая

О девочках, между делом, и велосипедах,
На которых можно домчаться до Комарово,
Где над Щучьим озером, захлебнувшись в беседах,
Голоса графоманов повисли жертвенной коровой

В скотобойне общения. Я прощался
С четырьмя мостами, с родными местами,
Откуда умчал его не дощатый
Ялик, а милицейский *ворон* с решётками-крестами,

Приготовленными и для оставшегося на родине круга.
Это пыль на шоссе? Туман на Охте иль в Челси?
Впрочем, должен сюжет развиваться упруго
Для пользы читателя и для поэта чести.

Что же касается меня — некошернейшего еврея,
Я субботу нарушил, руль обнимая жарко,
Я гнал машину, как будто матрос на реях,
Увидевший землю, кабак и долгожданную чарку,

7

Что же касается *его*, то под самой Москвою,
В темени августа, среди российских просторов
Я был остановлен мерцающей жёлтой звездой,
Которая плыла куда-то в ритме балладных повторов.

Она была, как лист осеннего клёна,
Припавшего ко лбу ночного неба.
Капли крови падали с лучей раскалённых.
Что хотелось звезде: любви или гнева?

8

Что же касается *его*, то на исходе столетья,
Возвращаясь из траурного Нью-Йорка,
Я опять увидел над шоссе лучи раскалённые эти
Жёлтой звезды, припавшей к вершинке
придорожной ёлки.

1961-1964-1971-1996

Питер-Москва-Провиденс

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЛЛА БОРГЕЗЕ	5
Вилла Боргезе.....	6
Больничный сад.....	8
Стихи из романа «Иона-странник».....	9
Стихи по книге Тихонова «Орда и брага».....	9
Летняя ночь.....	9
Откровенный разговор на Брайтон Биче.....	11
Молитва.....	12
Третья волна.....	13
Последняя музыка.....	13
Поэт и народ.....	14
Палеонтологическое.....	15
Осень в Новой Англии.....	16
Словарь Даля.....	16
Мой город.....	17
Справедливости ради.....	18
Подвиг.....	18
Лесная сказка.....	19
ПРОПАЩАЯ ДУША	21
Твои голубые слёзы.....	22
Усталость.....	22
Возле вокзала.....	23
Прощальная поэма.....	23
Воспоминание.....	24
Отчуждённость.....	24
Домик Чехова в Гурзуфе.....	25
Пропадающая душа. <i>Пять стихотворений</i>	25
1. В чёрной шали по Владимирскому.....	25
2. Мы танцевали танго в клубе.....	26
3. Над Борисовым ночью, над Россией зима.....	28

4. Кто там бродит вокруг квартала?.....	29
5. Бандероль со стихами.....	29
Армении.....	30
В метро.....	30
Гармонические стихи.....	30
Нью-Йорк.....	31
Сорок четвёртая улица.....	33
Коробка из-под папирос.....	34
Игры перед театром на Бродвее.....	34
Старому эмигранту.....	34
Ухо земли.....	35
Когда мне пели соловьи.....	36
Весна в Новой Англии.....	37
Композиция на Олд Силвер Биче.....	38
Горловина реки.....	38
Северный ветер.....	39
Игра в канасту или продолжение темы каналов.....	40
Шесть американских блюзов на русские темы.....	40
1. Блюз январского снегопада.....	40
2. Блюз чёрной реки в Провиденсе.....	42
3. Идиопатический блюз.....	43
4. Блюз жёлтой реки в Нью-Орлеане.....	45
5. Блюз еврейского органиста в Гарлемской церкви.....	46
6. Блюз ночного даунтауна в Провиденсе.....	48
Белый город.....	49
Дорогая моя, дорогая моя.....	49
В роще пальмовой.....	50
Отболела душа.....	51
Автомобильная мелодия.....	52
Судьба-американка.....	52
Каждое утро я просыпаюсь поэтом.....	52
ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ.....	61

Чёрная рыба.....	62
Заброшенная железнодорожная станция на Кейп Коде.....	62
Электроскат.....	63
Ностальгия.....	64
Сломанная стена.....	65
Там, где чёрный Делавар.....	66
Столбцы Покассетской реки.....	67
Зимняя песня.....	68
На пределе.....	69
Наши одиссеи.....	69
Моей подружке.....	70
Ты говорила: я тебя люблю.....	70
Подними меня.....	71
Мираж.....	71
Поездом АМТРАК из Провиденса в Нью-Йорк.....	72
Набережная реки в Провиденсе.....	73
Осенний сад.....	74
Давай танцевать при луне.....	74
Пейзаж без героя.....	75
Опасная ясность.....	76
Если пересчитать.....	77
Смит-стрит.....	78
Приютелю-пессимисту.....	79
Об одном рассказе.....	80
В странной компании.....	81
Последние розы.....	81
Мой приятель уборщик.....	82
Памяти Миши Крепса.....	83
Конец 20-го века.....	84
Смерть Бродского.....	85
Вы живёте на уровне птиц.....	85

Гады и годы.....	86
На коленях деда.....	86
Самоирония.....	87
Жёлтая звезда.....	87
<i>About the Author</i>	100

About the Author

David Shrayer-Petrov was born January 28, 1936 in Leningrad (St. Petersburg), Russia. His father, an automobile engineer, was a naval officer during World War II; his mother, a chemist, was descended from a dynasty of Lithuanian Hasidic rabbis. Shrayer-Petrov grew up in Leningrad's working-class Vyborg District. Evacuated from his native city during the Nazi siege of Leningrad, Shrayer-Petrov spent three formative years in a Russian village in the Ural Mountains. Folk rituals and the richness of rural peasant dialects left a prominent imprint in the writer's creative imagination. Shrayer-Petrov entered the literary scene during Khrushchev's Thaw of the mid-to-late 1950s. He was one of the founding members of a literary group at the House of Industrial Cooperation (Promka), a group whose gatherings were attended by Vassily Aksyonov, Ilya Averbakh, Dmitri Bobyshev, Aleksandr Kushner, Anatoly Nayman, Evgeny Reyn, Viktor Sosnora, Sergey Wolf and other literary lights. After graduating from the First Leningrad Medical School in 1959, Shrayer-Petrov served as a military physician in a tank army stationed in Borisov, Belorussia. Upon returning to Leningrad, Shrayer-Petrov embarked on two lifelong careers, literature and medicine. As with other doctor/authors, like Anton Chekhov and Mikhail Bulgakov in Russian literature, and William Carlos Williams and W. Somerset Maugham in Anglo-American, the writings of Shrayer-Petrov are marked by analytical qualities and passionate humanism. In 1962, Shrayer-Petrov married Emilia Shrayer (née Polyak), a translator from and into English. Their son, Maxim D. Shrayer, was born in 1967 in Moscow, where the Shrayers lived until their emigration. Shrayer-Petrov's conflict with the Soviet authorities began in the 1960s; his first poetry collection was derailed in 1963 following the Joseph

Brodsky trial. From his earliest verses on, Shrayer-Petrov has explored the nature of Jewish identity and the relations between Jews and Gentiles. Although the writer managed to publish a collection of poems and two books of essays in the 1960s and 1970s, most of his verse and all of his fiction focused on subjects too controversial for Soviet officialdom to allow their publication. Although he was recognized as a master of literary translation in 1977, when he won an All-Russia Prize, Shrayer-Petrov decided to emigrate to the West in order to achieve creative freedom and publish his own poetry and fiction. Instead of granting Shrayer-Petrov an exit visa, the Soviet authorities launched a campaign of ostracism and persecution, with measures ranging from vile articles in leading newspapers to arrests by the KGB and threats of imprisonment. In 1980, Shrayer-Petrov was expelled from the Union of Soviet Writers; prior to that, he lost his research position in the Academy of Medical Sciences. The years 1979-1987 were those of great hardships for the writer and his family. As a Jewish Refusenik, he lived as an outcast in his native country, a country that subjected him to damnation. Shrayer-Petrov's last decade in Russia was also very prolific; he wrote two novels, a memoir, and many stories and verses. A year prior to his departure from Russia, Shrayer-Petrov's novel, Refusenik, was released in Israel. Refusenik was the first half of a family saga, Herbert and Nelly, that was subsequently published in post-Soviet Moscow and was nominated for the 1993 Russian Booker Prize. After landing in the United States in August 1987, Shrayer-Petrov chose Providence, Rhode Island, as his new home. His arrival in the West brought forth a steady flow of publications, including two collections of poetry, two volumes of memoirs, and appearances in both Russian and English literary magazines. Dividing his time between cancer research at Brown University—Roger Williams Medical Center and writing, Shrayer-Petrov enjoys fishing at Cape Cod and growing jumbo cucumbers in his back yard. In February 1992, David Shrayer-Petrov and his family were naturalized as United States citizens.

Книги Д. Шраера-Петрова

ХОЛСТЫ

стихи (1967)

ПОЭЗИЯ И НАУКА

эссе (1974)

В ОТКАЗЕ

роман (1986)

ДРУЗЬЯ И ТЕНИ

мемуарный роман (1989)

ПЕСНЯ О ГОЛУБОМ СЛОНЕ

стихи (1990)

ВИЛЛА БОРГЕЗЕ

стихи (1992)

ГЕРБЕРТ И НЭЛЛИ

роман (1992)

МОСКВА ЗЛАТОГЛАВАЯ

мемуарный роман (1994)

ПРОПАЩАЯ ДУША

стихи (1997)

ISBN 1-888244-00-3

\$7.95

